

Т.С. Минаева

ШПИЦБЕРГЕН XIX ВЕКА: «НИЧЬЯ ЗЕМЛЯ» ИЛИ ПОТЕРЯННЫЕ РУССКИЕ ВЛАДЕНИЯ?

В 1906 г. английский альпинист Мартин Конвей, совершивший два путешествия на Шпицберген, издал книгу, в которой постарался собрать все известные к тому времени факты, связанные с освоением Шпицбергена. Во введении к первой главе он написал, что Шпицберген никогда не был заселенной землей и поэтому в определенном смысле не имеет своей правдивой истории. Цель написания книги как раз и заключалась в создании такой истории архипелага, по выражению автора, «ничьей земли». Почти в то же самое время, в 1908 г., в журнале «Русское судоходство» появилась статья Г.Ф. Гёбеля, исследователя природных богатств Севера. Автор, рассматривая историю русских промыслов на Груманте, сделал вывод, что Шпицберген — это «потерянное русское владение»¹. Таким образом, для М. Конвея русские были одной из наций, попытавшихся освоить Шпицберген и оставивших его. Для Г.Ф. Гёбеля Россия являлась страной, имевшей все права на архипелаг, но не воспользовавшейся этими правами.

Несмотря на столетний период изучения истории освоения архипелага, его особый правовой статус, международные конфликты XX в. и научные исследования в Арктике поддерживают интерес к Шпицбергену, сохраняют актуальным и дискуссионным вопрос о праве различных государств на использование архипелага и территории вокруг него. О начале русских промыслов на Шпицбергене точных сведений в письменных источниках нет, поэтому в научных исследованиях появление поморов на Шпицбергене датируется по-разному. Так, архангельский историк XIX в. С.Ф. Огород-

ников был уверен, что это русские открыли архипелаг еще до возникновения Соловецкого монастыря, т.е. до 30-х годов XV в.² Советские географы С.В. Обручев и П.А. Фрумкин считали, что русские плавали на Шпицберген уже в конце XV в.³ В.Ф. Старков на основании изучения археологических источников относит появление поморских поселений на Шпицбергене ко второй половине XVI в.⁴ В целом же в большинстве российских и зарубежных публикаций высказывалось предположение, что плавания поморов на Грумант начались не ранее XVII в. В любом случае, в течение нескольких столетий поморы занимались морскими промыслами на островах архипелага, но в середине XIX в. **практически перестали его посещать, что позволило Норвегии заявить права на архипелаг и присоединить его в XX в. к своим территориям.**

В начале XIX в. Шпицберген являлся одним из постоянных мест зверобойных промыслов, поморы приезжали сюда для добычи моржей, тюленей, белых медведей, оленей, песцов, занимались также сбором гагачьего пуха. Ежегодно до десяти судов отправлялось из Архангельской губернии на Шпицберген. Организаторами промыслов были северные русские купцы и Выговский старообрядческий монастырь в Карелии. Кроме того, в 1804–1812 гг. на Шпицберген отправлялись суда Беломорской торговой акционерной компании, впоследствии разорившейся из-за материальных потерь, вызванных нападением англичан на Русский Север в период Континентальной блокады Англии.

Появлению норвежцев на Шпицбергене во многом способствовала поморско-норвежская торговля и знакомство норвежцев с поморскими промышленниками. Ликвидация торговых монополий в Северной Норвегии и появление условий для накопления капиталов, строительства и приобретения местными купцами судов стали дополнительными стимулами для развития морских промыслов. Кроме того, с 1784 г. датско-норвежские власти установили премии за плавания кораблей в арктических морях. Укрепление контактов с Русским Севером позволило норвежцам получить из первых рук информацию о промысловой деятельности русских на Шпицбергене. Поступавшие сведения заинтересовали норвежских предпринимателей, что является косвенным доказательством прибыльности грумантских промыслов для поморов, так как только сообщения об успехах зверобоев, богатстве природных ресурсов архипелага, наличие спроса на продукцию промыслов могли привлечь норвежцев.

Первая зимовка норвежских промышленников на островах архипелага, организованная купцами Бук, состоялась в 1794–1795 гг. Судно для экспе-

диции приобрели в России. В экипаж из 15 человек взяли четырех русских, которые должны были показать путь на Шпицберген и, вероятно, познакомить норвежцев с традиционными промысловыми приемами поморов. Промысел оказался не очень удачным: 82 тюленя, 13 моржей, 38 песцов, пять белых медведей, гагачий пух⁵. Пробная экспедиция, закончившаяся гибелью нескольких человек, конфликтами в ходе зимовки и не увенчавшаяся крупным успехом, не могла привести к появлению большого числа последователей. Требовались новые доказательства коммерческих перспектив развития арктических промыслов, денежные средства и расширение торговли.

В 1818 г. одна из поморских экспедиций вернулась с огромной добычей, которая оценивалась норвежским геологом и путешественником Б.М. Кейльхау в 50 тысяч спесидалеров⁶. После этого, как показывают таможенные документы, начались регулярные плавания норвежцев на Шпицберген из Хаммерфеста. Особенно успешным оказался 1824 г. Возвратившись в основном с летних промыслов десять экипажей добыли 1321 моржа, а также оленей, песцов, белых медведей и гагачий пух⁷. С 1824 г. арктические промыслы становятся важным вкладом в экономическое развитие Хаммерфеста, и в 20-е годы XIX в. было организовано 73 промысловые экспедиции на Шпицберген.

С 1821 г. в промысле на архипелаге начинает участвовать Тромсе, но лидерство по-прежнему остается за Хаммерфестом. В то время как норвежцы усиливали свое присутствие на архипелаге, русские промышленники стали сокращать поездки на Грумант. Норвежцы благодаря природно-климатическим условиям могли отправляться на промыслы уже в конце апреля — начале мая, а возвращаться в конце сентября и даже в октябре месяце. За лето некоторые шкиперы успевали сходить на Шпицберген на одном судне до четырех раз. Поморам, чтобы привезти хорошую добычу, надо было зимовать на Шпицбергене. Ледовая обстановка в Белом море и на Северной Двине ограничивала их пребывание на Груманте по сравнению с норвежцами.

Поморские экспедиции на Шпицберген сокращались, потому что уменьшалась и доходность промыслов на фоне их высокого риска. В начале XIX в., например, каждая третья экспедиция из Архангельска заканчивалась гибелью нескольких членов экипажа судна. Большинство архангельских купцов, организовывавших грумантские промыслы в первой четверти XIX в., относились ко второй гильдии, с размером капитала 20 000 рублей. Гибель судна была нередким явлением, что приносило убыток до

10 000 рублей. Финансовые потери, как и трудности в наборе опытного экипажа, приводили к тому, что даже богатые купцы первой гильдии, как, например, Афанасий Амосов, прекратили посылать суда на Шпицберген⁸.

Зимовки на Шпицбергене были тяжелыми и для норвежцев. В 1833 г. в Тромсе появилась первая крупная шхуна «Александр», купленная в России. На следующий год на ней отправилась экспедиция из семи человек для промыслов на Медвежий остров. Когда же в 1835 г. судно вернулось за промышленниками, все они уже были мертвы. В ходе зимовки 1834–1835 гг. на Шпицбергене полностью погибла еще одна промысловая команда из Тромсе. Обе экспедиции имели с собой достаточное количество провианта и топлива и умерли, скорее всего, от цинги⁹. Поездки на Шпицберген всегда были связаны с риском для жизни, поэтому как норвежским, так и русским организаторам промыслов часто приходилось идти на дополнительные расходы, чтобы набрать команду. Русские купцы предоставляли зверобоям деньги в долг, выдавали так называемый обуток, безвозмездную сумму на покупку самого необходимого перед уходом в плавание. Торговые дома Хаммерфеста поощряли экипажи судов за успешный арктический промысел. В 1838 г. они установили премию в размере 50 серебряных спесиедалеров для команды, которая в соответствии с размерами судна, экипажа и снаряжения привезет лучшую добычу. Эту премию получили промышленники судна «Принц Карл», которые добыли 58 моржей, 37 белух, 63 тюленя и одного белого медведя¹⁰.

С середины 1830-х годов норвежские промыслы на Шпицбергене стали сокращаться. В 1838 г. в городской газете «Тромсø Tidende» сообщалось о причинах этих изменений, которые заключались в массовом истреблении животных на Шпицбергене и острове Медвежий¹¹. Уничтожению подвергались прежде всего моржи, которые ценились за бивни, кожу и сало. Каждая экспедиция стремилась к максимальному результату. Так, восемь охотников на острове Медвежий в ходе зимовки 1824–1825 гг. сумели добыть 677 моржей. Нередкими были случаи, когда всю добычу не могли вывезти на материк, в этом случае забирали самое ценное — головы животных с клыками, выбрасывая все остальное. При таком интенсивном ежегодном промысле плавания на архипелаг постепенно становились невыгодными.

Почувствовав конкуренцию норвежцев, которая резко сокращала шансы на удачу поморов, русские купцы переключились на рыболовные и зверобойные промыслы на Новой Земле, в 1835–1836 гг. здесь побывало 120 судов из Поморья. Но во второй половине 1830-х годов новоземельные

промыслы тоже пошли на убыль из-за интенсивной охоты на морских животных в предшествующий период.

Военные действия на Белом море в годы Крымской войны привели к полному прекращению поморских промыслов на Шпицбергене и Новой Земле. Английские и французские корабли захватывали поморские суда как на берегу, так и на море. Большая часть поморского населения вынуждена была прекратить выезжать на морские промыслы, ездить с торгом в Норвегию. Разорение поморских деревень и становищ в годы войны не позволяло быстро возобновить промыслы по окончании военных действий. Количество лодей и кочей, основных типов промысловых судов, использовавшихся для арктических плаваний, сократилось в Архангельской губернии на 20 %¹².

На сокращение русских промыслов повлияли также государственные меры 1853–1855 гг., направленные на закрытие в Кемском уезде Архангельской губернии Даниловского старообрядческого скита, который до этого регулярно посылал экспедиции на Шпицберген. Но даже в этих условиях маловероятно, что поморы полностью отказались от посещения Груманта.

Поморские экспедиции на Шпицберген в 1850-х годах, вероятно, совсем прекратились. Норвежцы же, наоборот, стали возвращаться на архипелаг. В 1853 г. уже 17 норвежских судов из Хаммерфеста вело промыслы на Шпицбергене.

На Новой Земле добыча зверя поморами после Крымской войны также возобновлялась медленно. В конце 1850-х годов туда отправлялось не более пяти-шести судов ежегодно, но к середине 1860-х годов их количество увеличилось до 10–15. Возможно, что в этот период поморские промышленники начинают снова посещать и Шпицберген, но уже не так часто, как раньше. Развитая система поморско-норвежской торговли позволяла получать информацию об увеличении масштабов норвежской промысловой деятельности. С 1860-х годов увеличилось участие Тромсе в арктическом промысле. В 1860 г. там насчитывалось более 20 судов, которые использовались только для зимних промыслов, в том числе на Шпицбергене. В 1878 г. 23 норвежских судна добыли на островах архипелага 258 моржей, 2180 тюленей, 41 белого медведя, 702 оленей. Общая стоимость добычи после всех подсчетов составила 120 000 крон¹³.

В начале второй половины XIX в. началось активное изучение Шпицбергена шведскими учеными, хотя первая шведская экспедиция на архипелаг состоялась уже в 1837 г. Ученые интересовались больше всего

природно-климатическими факторами, но составляли также исторические описания и зарисовки, занимались картографией. С 1858 по 1872 г. шведы организовали пять научных экспедиций по изучению Шпицбергена. Последняя экспедиция под руководством А.Э. Норденшёльда имела целью достичь Северного полюса через Шпицберген. Тромсе, превратившийся к этому времени в ведущий порт арктических плаваний норвежцев, в том числе к Шпицбергену, стал отправным пунктом этой экспедиции. Четыре судна доставили на Шпицберген все необходимое снаряжение, включая оленей, на которых предполагался переход к Северному полюсу. За оленями не уследили, и они разбежались, а попытки пройти дальше на север на санях и лодках в 1873 г. были прерваны, так как передвижение оказалось невозможным из-за плавающих льдов, поэтому А.Э. Норденшёльд изменил маршрут и обследовал Северо-Восточную Землю.

Осенью 1872 г. к руководителю шведской экспедиции обратились за помощью норвежские промышленники, суда которых оказались блокированы льдом на Шпицбергене. Норвежцы не имели необходимой одежды для зимовки и запасов провианта. Однако шведы не могли им всем помочь, попавших в беду промышленников оказалось 59 человек. От шведов норвежцы получили информацию, что на мысе Тордсен шведская горнодобывающая компания обустроила дом для шахтеров с запасами пищи и угля. Чтобы попасть на мыс Тордсен, промышленникам надо было пройти 350 км на весельных лодках вдоль побережья, путь был тяжелым и рискованным, поэтому в дорогу отправились только 17 сильных мужчин, которые через семь дней успешно добрались до жилища, где остались на зимовку. Остальные норвежцы смогли вскоре вернуться домой, так как штормовой ветер разогнал льды и освободил суда из ледового плена. В 1873 г. за 17 оставшимися промышленниками пришло судно из Тромсе, но все они уже были мертвы. Причиной смерти назвали цингу, хотя от врача экспедиции А.Э. Норденшёльда норвежцы получили наставления, как избежать заболевания, и следовали им, согласно найденному в доме журналу¹⁴. Кроме того, промышленники занимались охотой, имели необходимое продовольствие и уголь для отопления. Только в 2008 г. тайна трагедии на мысе Тордсен была раскрыта. Норвежская экспедиция, проведя исследования останков, обнаружила в них большое содержание свинца, как и в сохранившихся пустых консервных банках, содержимое которых употребляли промышленники. Медленное отравление свинцом привело к гибели зверобоев.

В отличие от энергичной промысловой деятельности норвежцев и научной активности шведов русские не предпринимали активных усилий по

изучению или промышленному освоению Шпицбергена до самого конца XIX в. Не проявляло особого интереса к архипелагу и российское правительство.

Еще в 1830 г. кемский купец Ф.М. Антонов подготовил проект об исследовании Шпицбергена и создании на нем постоянных русских поселений. Это было не первое предложение предпринимателя в адрес правительства. Федор Михайлович происходил из семьи потомственных купцов, давно и успешно занимавшихся рыбными промыслами и торговлей. В 1820-х годах он пытался заинтересовать членов правительства проектом пути, который мог соединить Балтийское и Белое моря. Архангельское губернское правление признало ценность проекта для развития промыслов и торговли, но посчитало его слишком затратным и трудновыполнимым. В 1830 г. проект Ф.М. Антонова о Шпицбергене министр финансов Е.Ф. Канкрин снова передал на рассмотрение архангельским властям. В проекте предлагалась целая программа по освоению архипелага. Автор считал, что базой освоения должен стать Архангельск, который в это время являлся центром организации промысловых экспедиций на Грумант. Купец советовал отправить для исследований научную экспедицию с участием географов, астрономов и даже геологов. Таким образом, Ф.М. Антонов понимал, что архипелаг может представлять собой ценный научный объект. Эти предположения в полной мере подтвердились во второй половине XIX в. благодаря исследовательской деятельности Шведской академии наук и ее отдельных представителей. В проекте содержались также предложения о постройке в Архангельске разборных конструкций деревянных жилых помещений для перевозки на Шпицберген, что традиционно использовали поморы и в 1872 г. осуществил на практике А.Э. Норденшёльд, только не из Архангельска, а из Тромсе. Наконец, именно Ф.М. Антонов высказал идею о перевозе на Шпицберген оленей для транспортных нужд экспедиции, что тоже в дальнейшем попытались осуществить шведы в 1872 г.¹⁵ Архангельское губернское правление, запросив информацию о ценности грумантских промыслов от местных купцов, не стало разбираться в причинах различного их мнения, предложив в итоге правительству оставить Шпицберген для купеческого предпринимательства, что и было сделано.

В 1850 г. в правительство поступил еще один проект по Шпицбергену, составленный отставным прапорщиком из Онеги Фроловым, который высказывал собственное мнение о причинах сокращения поморских промыслов. Фролов сообщал о готовности организовать промысловую экспедицию и собрать сведения о возможностях дальнейшего освоения архипе-

лага поморами, но просил финансовой помощи в размере 10 000 рублей серебром. Архангельская администрация, которой переслали проект для рассмотрения, не отнеслась к нему серьезно, отметив, что «подобные поручения правительство поручает тем, кто уже известен своей опытностью и заслуживает доверия»¹⁶.

В 1871 г. шведско-норвежское правительство направило дипломатическую ноту России и некоторым западноевропейским государствам о своих намерениях вступить во владение Шпицбергенем. Основанием для ноты послужил, с одной стороны, проект профессора А.Э. Норденшёльда о создании постоянной колонии на Шпицбергене, которая могла бы стать базой для научных экспедиций и для которой он хотел получить гарантированную защиту. С другой стороны, Швеция хотела закрепить за собой территории с запасами минеральных ресурсов в заливе Исфьорд. Никто из других стран, кроме России, не выдвинул возражений. В ходе переписки со шведским посланником О.М. Бьёрншерном российское правительство высказало возражения против занятия архипелага одним Шведско-Норвежским государством и предложило договориться о сохранении за Шпицбергенем нейтрального статуса, который позволял бы любому государству использовать его в научных и хозяйственных целях. Возражения России были приняты во внимание и положение Шпицбергена как «ничьей земли» сохранилось.

Казалось бы, что российское правительство получило четкое представление о серьезных намерениях Шведско-Норвежского государства закрепить за собой Шпицберген и должно было предпринять какие-либо активные действия для усиления представительства России на архипелаге, если не соглашалось уступить его другой стране. Но этих действий не последовало. Шпицберген не выглядел для Российского государства в то время территорией, обещающей большие прибыли за короткое время, его надо было осваивать, вкладывать средства в организацию управления и сообщения с материком, а все это не соответствовало политике государства даже по отношению к окраинным российским землям, не говоря уже об островах, расположенных далеко на севере и юридически не принадлежавших России. Только прямая угроза потери Кольского полуострова и Новой Земли заставила правительство предпринять ряд мероприятий для их освоения. В целом же северный край «представлялся правительству как страна, большей частью, неспособная к возделыванию, бедная растительностью, каменистая... не имеющая удобных путей сообщения, нуждающаяся в населении»¹⁷. Даже в 1896 г. в переписке между Министерством иностранных

дел с российским посланником в Стокгольме И.А. Зиновьевым Шпицберген рассматривался как территория, на которой российское правительство хотело сохранить право, «если окажется нужным», устраивать поселения¹⁸. Таким образом, спустя 20 лет после предъявления Швеcko-Норвежским государством прав на Шпицберген русское правительство все еще не считало нужным осваивать архипелаг, не видело его перспектив, не интересовалось его богатствами. Архипелаг все еще оставался «ничьей землей» и все больше превращался в потерянные для России земли.

* * *

¹ *Гебель Г.Ф.* Грумант (Шпицберген) — потерянное русское владение // Русское судоходство. 1908. № 9. С. 27–43.

² *Огородников С.Ф.* Очерк истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 27.

³ *Обручев С.В.* Русские поморы на Шпицбергене в XV веке, и что написал о них в 1493 г. нюрнбергский врач. М., 1964; *Фрумкин П.А.* К истории открытия Шпицбергена. (Письмо Джерома Мюнцера 1493 года) // Летопись Севера. М., 1957. Т. 2. С. 142–147.

⁴ *Starkov V.F.* Russian sites on Spitsbergen // XX Polar Symposium. Lublin, 1993. P. 104.

⁵ Sorenskriveren i Finnmark // Justisprotocoll. Nr. 45, 1789–1802. <www.polarhistorie.no/hendelser/1190637370.57> (дата обращения: 10.10.2014).

⁶ J.P. Nielsen Ishavet er vår åker // Norsk Polarhistorie. Oslo, 2004. Bd. III. S. 53.

⁷ Noen ord om den første ishavsfangsten fra Hammerfest Av prost Sivertsen (Tromsø 8/7-39). <<http://polarlitteratur.com/isfangst.htm>> (дата обращения: 10.10.2014).

⁸ ГААО. Ф. 2. Оп.1. Д. 1055. Л. 16.

⁹ *Lønø O.* Norske fangstmenns overvintringer. Oslo, 1972. S. 21–22.

¹⁰ Noen ord om den første ishavsfangsten fra Hammerfest Av prost Sivertsen (Tromsø 8/7-39).

¹¹ Utdrag av Tromsø og omegns sjøfarhistorie. Tromsø, 1929. S. 4.

¹² *Богославский П.* О судостроении в Архангельской губернии // Памятная книжка Архангельской губернии на 1861 год. Архангельск, 1861. С. 111.

¹³ Utdrag av Tromsø og omegns sjøfarhistorie. Tromsø, 1929. S. 5, 7.

¹⁴ *Lønø O.* Norske fangstmenns overvintringer. S.37–40; *Kemp I.H.* Fangstmenn døde hverken av tuberkulose eller skjørbuk: 135 år gammelt mysterium på Svalbard oppklart // Aftenposten. 19.09.2008; *Державин В.Л.* Загадка мыса Тордсен // Русский вестник Шпицбергена. 2013. № 8. С. 24–26.

¹⁵ *Шидловский А.О.* Шпицберген в русской истории и литературе. СПб., 1912. С. 7.

¹⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 404. Л. 18 — 22 об.

¹⁷ *Мордвинов В.* Возрождение Севера. Вологда, 1876. С. 3.

¹⁸ Письмо управляющего министерством иностранных дел гофмейстера графа Ламздорфа на имя императорского посланника в Стокгольме 21 сентября 1896 года // *Дипломатическая переписка. Шпицберген. 1871–1912.* СПб., 1912. С. 7.